

Фёдор Михайлович Достоевский

ДНЕВНИК
ПИСАТЕЛЯ

1880—1881

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д70

Достоевский, Ф. М.

Д70 Дневник Писателя 1880–1881 / Ф. М. Достоевский. — М.: T8RUGRAM. — 154 с.

ISBN 978-5-519-62684-2

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, один из лучших романистов-классиков, мыслитель, философ и публицист, творчество которого оказало воздействие на мировую литературу.

«Дневник Писателя» — ежемесячный журнал философско-литературной публицистики, в котором представлены статьи и очерки Достоевского, затрагивающие самые разнообразные сферы жизни, в первую очередь, это дневник общественной жизни, пропущенный через личное писательское восприятие. «Дневник Писателя» Достоевского, выпускавшийся в 1876–1877 и в 1880–1881 годах, не имеет аналогов в русской и зарубежной публицистике. В 1873 году под этим же названием писатель вёл свою рубрику в еженедельнике «Гражданин».

В данной книге представлен «Дневник Писателя» за 1880–1881 годы.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-62684-2

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСК НА 1880

АВГУСТ.....	7
Глава первая. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине	7
Глава вторая. Пушкин (<i>Очерк</i>).....	21
Глава третья	44
I. Об одном самом основном деле.....	44
II. Алеко и Держиморда . Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты	54
III. Две половинки	67
IV. Одному смиришь, а другому гордишь. Буря в стаканчике	84

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1881

ЯНВАРЬ.....	93
Глава первая	93
I. Финансы. Гражданин, оскорбленный в ферсите. Увенчание снизу и музыканты. Говорильня и говоруны.....	93
II. Возможно ль у нас спрашивать европейских финансов?	99

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

III. Забыть текущее ради оздоровления корней. По неумению впадаю в нечто духовное	106
IV. Первый корень. Вместо твердого финансового тона впадаю в старые слова. Море-океан, жажда правды и необходимость спокойствия, столь полезного для финансов. ...	112
V. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться	121
Глава вторая	129
I. Остроумный бюрократ. Его мнение о наших либералах и европейцах	129
II. Старая басня Крылова об одной свинье	138
III. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?	139
IV. Вопросы и ответы	146

**ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСК
НА 1880**

АВГУСТ

Глава первая

Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине

Речь моя о Пушкине и о значении его, помещаемая ниже и составляющая основу содержания настоящего выпуска «Дневника писателя» (единственного выпуска за 1880 год¹), была произнесена 8 июня сего года в торжественном заседании Общества любителей российской словесности, при многочисленной публике, и произвела значительное впечатление. Иван Сергеевич Аксаков, сказавший тут же о себе, что его считают все как бы предводителем славянофилов, заявил с кафедры, что моя речь «составляет событие». Не для похвалы вспоминаю это теперь, а для того, чтобы заявить вот что: если моя речь составляет событие, то только с одной и единственной точки зрения, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловие. Собственно же в речи моей я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России.

1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отме-

¹ Издание «Дневника писателя» надеюсь возобновить в будущем 1881 году, если позволит мое здоровье.

тил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские (в «Войне и мире» Льва Толстого) и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным. Ему честь и слава, его громадному уму и гению, отметившему самую большую язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной, ибо

2) Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, типы исторические, как, например, Инок и другие в «Борисе Годунове», типы бытовые, как в «Капитанской дочке» и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях,

в рассказах, в записках, даже в «Истории Пугачевского бунта». Главное же, что надо особенно подчеркнуть, — это то, что все эти типы положительной красоты человека русского и души его взяты всецело из народного духа. Тут уже надобно говорить всю правду: не в нынешней нашей цивилизации, не в «европейском» так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашел ее, и *только в нем*. Таким образом, повторяю, обозначив болезнь, дал и великую надежду: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены». Вникнув в Пушкина, не сделать такого вывода невозможно.

Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения — способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех. Но не для умаления такой величины европейских гениев, как Шекспир и Шиллер, сказал я это; такой глупенький вывод из моих слов мог бы сделать

только дурак. Всемирность, *всепонятность* и неисследимая глубина мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков, не подвергается мною ни малейшему сомнению. И если б Шекспир создал Отелло действительно *венецианским* мавром, а не англичанином, то только придал бы ему ореол местной национальной характерности, мировое же значение этого типа осталось бы по-прежнему то же самое, ибо и в итальянце он выразил бы то же самое, что хотел сказать, с такою же силою. Повторяю, не на мировое значение Шекспиров и Шиллеров хотел я посягнуть, обозначая гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций, а желая лишь в самой этой способности и в полноте ее отметить великое и пророческое для нас указание, ибо

4) Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности, по крайней мере в своей деятельности, в деятельности художника. Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во всё двухсотлетие с петровской реформы не раз. Обозначая эту способность народа нашего, я не мог не выставить в то же время, в факте этом, и великого утешения для нас в нашем будущем, великой и, может быть, величайшей надежды нашей, светящей нам впереди. Главное, я обозначил то, что стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно, *в основании своем*, но и народно, совпадало вполне с стремлениями